

А.М. Ранчин
О ПРОБЛЕМАХ СТИХОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы определения метрики «Слова о полку Игоре»». В центре внимания исследования А.Ю. Чернова, считающего, что это произведение написано авторским тоническим стихом, непохожим на тонический стих народной поэзии, и С.Л. Николаева, доказывающего, что в нем используется силлабо-тонический стих разных метров, и утверждающего, что этот стих характерен для фольклора. В статье демонстрируется, что описанные А.Ю. Черновым рифмы и иные созвучия-аллитерации не делят текст «Слова о полку Игоре» на стихи и что никаких признаков метрической организации текста в памятнике нет. Показано, что С.Л. Николаев произвольно приписывает тексту «Слова о полку Игоре» силлабо-тонический принцип, который также в целом чужд и народной поэзии. Сама реконструкция системы ударений в произведении, проведенная исследователем, вызывает ряд вопросов. Рассмотренные опыты описания метрики «Слова о полку Игоре» грешат отрывом от реального литературного контекста, нарушением принципов историзма. Это произведение принадлежит не к поэзии, а к ритмической прозе. В известном нам виде «Слово о полку Игоре» — образец книжной, а не устной словесности.

Ключевые слова: «Слово о полку Игоре», А.Ю. Чернов, С.Л. Николаев, метрика, тонический стих, аллитерации, силлабо-тонический стих, ритмическая проза.

Andrey M. Ranchin
ON THE PROBLEMS OF STUDYING VERSE OF
THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN

Abstract: The article deals with the problems of determining the metric of *The Tale of Igor's Campaign*. The objects of the research are works by A.Yu. Chernov, who believes that this work was written by the author's tonic verse, unlike the tonic verse of folk poetry, and by S.L. Nikolaev, who proves that it uses a syllabo-tonic verse of different meters and claims that this verse is characteristic of folklore. The article demonstrates that those described by

A.Yu. Chernov rhymes and other consonances-alliterations do not divide the text of *The Tale of Igor's Campaign* into verses and that there are no signs of the metric organization of the text in the monument. It is shown that S.L. Nikolaev arbitrarily ascribes to the text of *The Tale of Igor's Campaign* the syllabo-tonic principle, which is also generally alien to folk poetry. The very reconstruction of the stress system in the work, carried out by the researcher, raises a number of questions. The considered experiments in describing the metric *The Tale of Igor's Campaign* sin by breaking away from the real literary context, violating the principles of historicism. This work does not belong to poetry, but to rhythmic prose. As we know it, *The Tale of Igor's Campaign* is an example of literary, not oral, text.

Keywords: *The Tale of Igor's Campaign*, A.Yu. Chernov, S.L. Nikolaev, metrics, tonic verse, alliterations, syllabo-tonic verse, rhythmic prose.

В исследованиях недавнего времени, трактующих «Слово о полку Игореве» (далее — СПИ) как метрически упорядоченный (стихотворный) текст, наиболее явно прослеживаются две тенденции, представленные в работах таких исследователей «песни», как историк, археолог и поэт А.Ю. Чернов и лингвист С.Л. Николаев. А.Ю. Чернов трактует метрику СПИ как авторский, не фольклорный тонический стих особого рода: «Древнерусский текст практически без конъектур укладывается в русло тонического по своей природе, но достаточно свободного аллитерационного стиха. И во всем памятнике прослеживается единая стиховая система. Просто она не похожа на фольклорный стих» [40, с. 92–93]¹. Даже в отношении плача Ярославны, фрагмента, в котором явно прослеживается связь с такими жанрами фольклора, как плач-причитание и заговор, А.Ю. Чернов утверждает: «...плач Ярославны принадлежит тонической аллитерационной поэзии XII века, а, значит, это не фольклорное, но новейшее авторское творение» [40, с. 114]. В качестве примера, демонстрирующего своеобразие стихотворной организации плача Игорева супруги, исследователь приводит строки «отворяеши Киеву врата / стрѣляеши съ отъня злата стола / салътани за землями»: «Налицо превращение трехударного тонического стиха в четырехударный (предпоследняя строка) и как следствие в двухударный

¹ Ряд фрагментов СПИ, восходящих к «песням» Бояна, А.Ю. Чернов считает силлабическими.

(последняя строка). Это значит, что стих “Слова” основан на естественных речевых паузах после каждой речевой синтагмы (назовем его тоническим аллитерационным стихом), и вследствие самой своей речитативной природы способен *дышать*: он не укачивает слушателя однообразной мерностью, он то кристаллизуется чеканной тоникой, то взрывается рифмоидами и аллитерацией, то приближается к спокойному течению прозаической речи. И все это не мозаика из разных размеров, а единая (поскольку скреплена эвфонической метаморфозой) стиховая ткань» [40, с. 116]².

Что касается рифмоидов³, выделяемых А.Ю. Черновым, то в отдельных случаях они очевидны, причем действительно отмечают концы отрезков текста, которые, будучи равноиктными и обладая одинаковой синтаксической структурой, выглядят как стихотворные строки; ср., например, в том же плаче: «жажею имъ лучи съпряже / тугою имъ тулы затъче»⁴. Однако в другом фрагменте плача рифмоиды, по мнению А.Ю. Чернова используемые «переключения ритма двухударного стиха на трехударный», — «възлелѣи господи НЕ / мою ладу къ мь НЕ / а быхъ НЕ сълала / къ НЕ му слъзъ / на море рано» [40, с. 114–115] — созвучия маркируют окончания только первых двух из четырех выделенных исследователем стихов.

Исследователь замечает: «Прием *рифменного перетекания* не раз используется автором “Слова”. Вот фрагмент из обращения к Осмомыслу Ярославу:

...подъпъръ горы угорьскѣ
своими желѣзными пълкы
заступивъ королеви путь
затворивъ Дунаю ворота
меча беремены через облакы
суды рядя до дуная
грозы твоѣ по землямъ текутъ
отъворяеши Киеву врата

² Здесь и далее все выделения в цитируемых текстах принадлежат их авторам.

³ Называю эти созвучия рифмоидами, а не рифмами по причине их нерегулярности, в отличие от рифмы в собственном смысле слова, и часто неточности.

⁴ Текст СПИ цитируется здесь в варианте-реконструкции А.Ю. Чернова.

стрѣляеши съ отня злата стола
сальтани за землями...

Концевые рифмы: *пѣлки* — *облакъ*; *пут/е* — *текут/е*; и даже *воротá* — *вратá*. Но *вратá* рифмуется с *златá*, однако при этом стих не заканчивается, и *златá стола* перетекает аллитерацией в следующий стих: *сальтани...*» [40, с. 115]. Из десяти строк в этом фрагменте рифмоидами маркированы только шесть: 2+5, 3+7, 4+8. Таким образом, рифмоиды не организуют гипотетический стих СПИ, они появляются в нем часто, но нерегулярно. Они не маркируют (или маркируют спорадически и бессистемно) окончания гипотетических стихов. Между тем в тоническом стихе, если он безрифменный, как в народной поэзии, например в былинах, прослеживается явная тенденция к упорядочиванию клаузул — обычно дактилических.

Именование А.Ю. Черновым метрики СПИ аллитерационным тоническим стихом, естественно, побуждает вспомнить о германском аллитерационном стихе (сам исследователь подталкивает к этой аналогии, сравнивая звукопись древнерусской «песни» и древнескандинавской поэзии). Однако ритмика и звукопись СПИ разительно отличается от этого стиха. «Основной единицей стиха является 2-словное, 2-ударное полустушие; два полустушия, разделенные цезурой, образуют стих в 2+2 ударения; для разнообразия допускается укороченный стих в три ударения без цезуры», — так описывает германский аллитерационный стих М.Л. Гаспаров [8, с. 34]. Аллитерация в древнегерманских стихотворных памятниках выполняет совершенно особую функцию, маркируя тексты как метрически упорядоченные: «Полустушия в стихе объединяются между собой аллитерацией — одинаковостью начальных звуков некоторых слов»; «Самым важным по смыслу словом в стиховом 4-сложии <...> было третье (начальное слово 2-го полустушия) — оно и определяло аллитерацию стиха, под него подстраивались остальные»; «Аллитерацией считалось, когда повторялся начальный согласный слова (или начальная группа согласных — таких, как *st*, *sp*, *sk*); начальные гласные считались все аллитерирующими между собой (аллитерировал как бы нулевой согласный в начале слова)» [8, с. 34–35]. Между тем в СПИ, как бы ни делить его текст на строки, количество иктов очень сильно варьируется и лишь иногда равно четырем, их распределение в этих гипотетиче-

ских строках не подчинено жесткой закономерности («полустишия» обычно не выделяются), а звуковые повторы не закреплены жестко за какими-либо позициями в этих «строках». Если в германском аллитерационном стихе прослеживался четкий метрический принцип, то в СПИ его нет. Проблематичным оказывается деление на строки, так как в древнерусской «повести» нет очевидных маркеров конца строки. Как заметил М.П. Штокмар по поводу реконструкций метрики «песни», ориентированных на стих в фольклоре, в СПИ «ритмические ряды» «предположительно устанавливаются самим исследователем», в отличие от русского народного стиха, который строится на совпадении «смысловых, синтаксических отрезков» и «ритмических отрезков» [41, с. 69]. Ведь в древнерусском памятнике нет «подбора однородных клаузул» [41, с. 69], а есть лишь «отдельные парные сочетания предложений», скрепленных «однотипными клаузулами — мужскими или женскими, или дактилическими» [41, с. 80].

Определение стиха СПИ, принадлежащее А.Ю. Чернову, как «авторского» выводит его, по существу, за пределы оправданных аналогов в стадильно или типологически близких системах метрики. С одной стороны, этим исследователь облегчает свою задачу: на нет и суда нет, любая интерпретация метрики оказывается допустимой. Однако, с другой стороны, эта же характеристика делает концепцию А.Ю. Чернова очень уязвимой: ни одно произведение (а тем более принадлежащее традиционалистской словесности, какой была древнерусская) не рождается в безвоздушном пространстве, вне контекста.

Впрочем, А.Ю. Чернов стремится заручиться поддержкой известного филолога-медиевиста, а также указать некоторые, хотя и отдаленные параллели в древнерусской книжности. Он утверждает: «А.М. Панченко полагал, что “Слово о полку Игоре” написано славянским “безразмерным” стихом, сложившимся в результате перехода с силлабической системы стихосложения на тоническую» [40, с. 97]. Однако А.Ю. Чернов лукавит. В статье А.М. Панченко, на которую он ссылается, СПИ даже не упомянуто, о славянском «безразмерном» стихе говорится со ссылкой на Р.О. Якобсона как об одной из разновидностей метрики в древнеславянском фольклоре: «...в фольклорной поэзии славянских народов одновременно с силлабической системой существовал “безразмерный” стих — с неопределенным (разумеется, в известных пределах) числом слогов в стихе. Безраз-

мерным стихом слагались и эпические произведения, и обрядовые песни. В обоих случаях это был так называемый речитативный стих, находящийся на грани между песнью в прямом смысле слова, в которой доминирует напев, и стихом декламационным, где музыкальная модификация подчинена средствам языка. В этом “безразмерном” стихе синтаксическое членение совпадало с членением стиховым» [29, с. 264]. Однако в СПИ как раз нет совпадения синтаксического членения со стиховым!

Сравним два примера — из былины и из СПИ. Первый пример — из былины «Добрыня и змей»: «Стал молоденькой Добрынюшко Микитинец / На добром коне в чистó полё поезживать, / Стал он малых змеёнышев потаптывать» [46, с. 5]. Окончания стихов, выглядящих как шестииктные хореические, здесь отмечены дактилическими клаузулами: *Микитинец – поезживать – потаптывать*, причем каждый стих образует синтаксически относительно замкнутое целое. А вот пример из СПИ: «Съ зараня въ пяткъ потопташа поганяя плъкы Половецкыя» [47, с. 10]. В разбивке на «квазистроки», принадлежащей Д.С. Лихачеву, этот фрагмент выглядит так: «Съ зараня въ пятокъ / потопташа поганяя плъкы половецкыя» [48, с. 13]. В реконструкции исходного текста СПИ, сделанной лингвистом А.В. Дыбо и принятой А.Ю. Черновым, деление на строки иное: «Съ зараня въ пяткъ потопташа / поганягъ плъкы половецкыгъ» [40, с. 393; 49, с. 44]. Очевидно, что текст допускает здесь разное деление на гипотетические стихи. Разбивка А.В. Дыбо и А.Ю. Чернова выглядит предпочтительнее в том отношении, что обе строки оказываются равноударными (3 и 3), а трехиктный стих, как известно, был одним из размеров русской народной метрики (см. о нем: [7, с. 79, 130]). У Д.С. Лихачева (который, впрочем, не утверждал, что СПИ написано стихами) равноударность отсутствует (2 и 4). Однако А.Ю. Чернов не считает равное число ударений метрическим принципом, действующим в СПИ; не случайно следующие четыре строки в реконструкции А.В. Дыбо, на которую он опирается, равным числом ударений отнюдь не характеризуются: 4–3–3–2.

В отличие от приведенного выше отрывка из былины здесь ни одно из делений фрагмента на стихи не обусловлено жестко синтаксисом текста, а клаузула не упорядочена. У Д.С. Лихачева она в первой строке мужская, если не признавать звучания в тексте редуцированных в слабой позиции, и женская, если полагать (как счита-

ет А.Ю. Чернов), что конечный *ѣ* в *пятокъ/пятькъ* произносился. Во второй строке подготовленного Д.С. Лихачевым текста клаузула дактилическая (если исходить из современной орфоэпической нормы произнесения лексемы *половецкие*) или гипердактилическая (если принимать во внимание соображения С.Л. Николаева относительно древности ударения *полѡвьць* [28, с. 287–288]). В реконструкции А.В. Дыбо – А.Ю. Чернова, где восстановлен исходный *ѣ* в слабой позиции, эта клаузула должна быть гипердактилической трехсложной при современном удареии и гипердактилической четырехсложной при ориентации на реконструкцию С.Л. Николаева. Получается, что клаузула свободно «гуляет» даже во фрагменте СПИ, где определенная ритмическая упорядоченность (по крайней мере, в разбивке А.В. Дыбо – А.Ю. Чернова) прослеживается и где очевидно использование аллитерации на *-н/-по-* и на *-нъл-*. Этот пример показывает необязательность для СПИ принципа двойной сегментации, отличающего стихотворный текст от прозаического.

Описывая процесс перехода от древней силлабики к тонике, современный СПИ, А.Ю. Чернов замечает: «Сказители быстро освоили тоническое стихосложение. «Слово о гибели Русской земли» написано около 1240 года сказовым (нерегулярным тоническим) стихом, а в цитирующей эту былинну «Задонщине» есть и вкрапление рифмованного раешника» [40, с. 98]. Оставим без подробного комментария антиисторическое определение «Слова о гибели Русской земли» (от которого дошел лишь небольшой отрывок — зачин) как былины и смелое утверждение о цитировании этого памятника в «Задонщине». Ритмика «Слова о гибели Русской земли» действительно ориентирована на «народный сказовый стих», однако в нем как раз прослеживается определенная регулярность. Как заметил К.Ф. Тарановский, «весь текст естественно делится на 84 речевых такта (фразовых сегмента), подавляющее большинство которых заполнены двухударными синтагмами» [35, с. 268]. Тем не менее известный стиховед отнюдь не утверждал прямо, что «Слово о гибели Русской земли» написано стихами, а лишь писал, что оно построено «по синтактико-интонационной модели сказового стиха» [35, с. 266]. Если же говорить о СПИ, то для него сказовый стих в целом нехарактерен.

Что же касается «Задонщины», то приведенный А.Ю. Черновым фрагмент «Уже намъ, брате, / в земли своеи не бывати, / а дѣтъи своих

не видати, / а катунъ своих не трепати, / а трепати намъ сырая земля, / а цѣловати намъ зелена мурова, / а на Русь намъ уже ратью не х<а>живати, / а выхода намъ у русских князеи не прашивати», являющийся реконструкцией на основе текста двух списков памятника, действительно может быть охарактеризован как тонический с «вкраплением рифмованного раешника» [40, с. 98]. Однако его «стихотворность» основана на: 1) регулярной рифме (1+2+3+4; 7+8); 2) господстве трехиктного принципа; 3) однотипности синтаксических конструкций (глагольный инфинитив в функции сказуемого в большинстве строк, дополнение — прямой объект в двух стоках); 3) относительной урегулированности клаузулы (женская в первых четырех строках, мужская в следующих двух, гипердактилическая — в последних двух). А.Ю. Чернов заметил: «Первые четыре строки аукаются со “Словом о полку Игореве”» [40, с. 98]. Подразумеваемый им фрагмент СПИ «Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своих милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того по-трепати» [47, с. 20], несомненно, ориентирован на поэтику народного плача, мало того, его можно считать воспроизведением топики реальных плачей. Однако поэтика тех или иных фольклорных жанров, в том числе в метрике, не определяет структуру СПИ как целого.

В трактовке А.Ю. Чернова «тонический стих» СПИ с неупорядоченной клаузулой напоминает не древние метрические формы, а, например, акцентный стих В.В. Маяковского, у которого позиция ударения в конце строки не фиксирована жестко. Однако такой стих — очень позднее явление в истории русской метрики, кроме того, он, во-первых, ориентирован на бытование в печатной форме, т. е. границы стихов легко определимы благодаря разбивке текста. А во-вторых, и это главное, маркером границы строки у В.В. Маяковского выступает регулярная рифма. В СПИ ничего подобного нет. Тот или иной текст опознается как стихотворный или не-стихотворный только в определенной системе, в соотнесенности с другими текстами, тоже метрически упорядоченными. Для СПИ в трактовке А.Ю. Чернова таких референтных произведений и такой системы нет. «Стих» памятника лишен и метрической упорядоченности (он не равноударный, как в народной тонике), и маркированности окончаний «строк» — ни посредством урегулированной, единообразной клаузулы, ни посредством рифмы.

В отличие от А.Ю. Чернова автор недавно изданной книги «Слово о полку Игоре»^е: реконструкция стихотворного текста» лингвист С.Л. Николаев попытался восстановить систему ударений и описать его метрику. С одной стороны, в этом заключается несомненное достоинство исследования. С другой — акцентологическая реконструкция текста СПИ небесспорна. Автор так описывает метод реконструкции: «Поскольку копии XVIII века не содержат информации об ударении в “Слове”, а русские акцентуированные памятники известны лишь с XIV в. и локализируются в иных диалектных ареалах <...> ударение в “Слове” приходится реконструировать комбинаторным способом» [10, с. 56] — в том числе обращаясь к данным диалектологии, а также используя результаты компаративных исследований в области праславянской акцентологии. Однако все эти данные, как известно, плохо освещают состояние раннедревнерусского языка — языка времени СПИ. Уже поэтому реконструкция С.Л. Николаева носит отчасти вероятностный характер, чего, впрочем, не отрицает и автор. Ведь самая ранняя акцентуированная восточнославянская рукопись — это Чудовский Новый Завет середины XIV в., соответственно, как заметил А.А. Зализняк, составитель словаря «Древнерусское ударение», реконструирована достаточно определенно может быть только акцентуация «уровня позднего древнерусского» [15, с. 5]. Поскольку лексика СПИ во многом отлична от лексики церковной книжности, в ряде случаев С.Л. Николаев использует весьма поздние свидетельства. Одни берутся из восточнославянских диалектов, другие — из древнерусских текстов. Но остается вопрос, в какой мере эти поздние свидетельства актуальны для времени создания СПИ: а ведь, например, в случае со словом *половецкыя* — в реконструкции С.Л. Николаева *полѡвечѣскыи* [28, с. 503] выбор ударения обусловлен данными рукописей XVI в. (см.: [28, с. 288–289]), хотя позднедревнерусские памятники содержат и примеры иной акцентуации (см.: [15, с. 649]).

Одним из ключевых положений, на которых основана реконструкция С.Л. Николаева, является гипотеза о факультативном прояснении редуцированных в слабой позиции при чтении/исполнении СПИ. Идея эта не новая: А.Ю. Чернов высказал ее уже достаточно давно и основал на ней свою реконструкцию звукописи памятника;

гипотезу поддержала лингвист А.В. Дыбо⁵. С.Л. Николаев для обоснования этой точки ссылается на факт произношения еров в слабой позиции при исполнении литургических текстов, характерный для древнерусской церковной традиции [28, с. 44]. Ссылка эта, однако, не может быть сильным аргументом: богослужебные тексты написаны так называемым молитвословным стихом, падение редуцированных разрушило их ритм и затруднило исполнение на богослужении — произнесение еров в слабой позиции при пении объяснялось стремлением восстановить их ритмическую организацию. В случае со СПИ, метрическая организация которого неочевидна, гипотеза о факультативном произнесении редуцированных в слабых позициях опирается на презумпцию стихотворной природы памятника, т. е. выглядит как подгонка материала под заранее заданный результат. Вторым аргументом в пользу гипотезы об установке автора СПИ на прояснение еров в слабой позиции являются звуковые повторы, в которых эти редуцированные должны участвовать: «[О]тказ от прояснения слабых еров в “Слове” приводит к тому, что теряется значительная часть звуковых повторов; именно их очевидность заставляет исследователей считать слабые редуцированные хотя бы факультативно “звучащими»» [28, с. 44]. Но само выделение этих повторов достаточно субъективно. В частности, повторы сочетаний согласных и редуцированных гласных можно в отдельных случаях трактовать как повторения одних лишь согласных, т. е. как чистые аллитерации. Ученый также полагает, что редуцированные в СПИ произносятся при определенных условиях «[на] стыках строк» [28, с. 48]. Однако ведь разбивка на строки является не данностью текста, а результатом исследовательского выбора. То же самое относится, например, к положению: «Окончание Им. ед. о-основ м. р. -ѡ реконструируется согласно стихотворному метру и дополнительно — по звуковым повторам» [28, с. 49]. Но метр есть не «объективная реальность, данная нам в ощущениях»,

⁵ Из многочисленных исследований А.Ю. Чернова и изданий его реконструкции ограничусь упоминанием о рассмотренной выше книге и соответствующей публикации реконструированного А.Ю. Черновым и А.В. Дыбо текста СПИ: [40, с. 84–168, 390–409]. С.Л. Николаев в своей книге отмечает приоритет А.Ю. Чернова и А.В. Дыбо [28, с. 44 и др.] в этом отношении, а также сообщает, что его концепция в целом очень многим обязана А.Ю. Чернову и отчасти является плодом их сотрудничества.

а искомое. Исследователь как будто бы движется в замкнутом круге. СПИ — памятник, созданный в то время, когда шел процесс падения редуцированных, и любые реконструкции, если речь идет о факультативном, т. е. об индивидуальном, авторском, сохранении звучания *ъ* и *ь* в слабой позиции, оказываются спорными.

Впрочем, детальный разбор этого аспекта реконструкции не входит в мою компетенцию, так как относится к домену лингвистики. В качестве допущения в целом гипотеза С.Л. Николаева может быть принята.

Примерно так же выглядят и случаи расстановки в реконструкции метрических ударений — акцентов, не совпадающих с ударениями языковыми, фонологическими: «Иногда стихотворный метр диктует выбор “менее очевидного” варианта. Например, согласно метру *сто́ль* имеет в языке “Слова” накоренное ударение (Р. *сто́ла*, Д. *сто́лу*)» — вопреки фонологически «правильным» *сто́ла*, *сто́лу* [28, с. 59]. Расстановка ударений здесь оказывается обусловлена принципом, заданным исследователем. Такие предположения были бы вполне оправданны, если бы в произведении прослеживался бесспорный метр. Но в случае с текстом, наличие метрической организации которого спорно, пренебрежение исследователя языковым ударением в пользу предполагаемого метрического представляется уязвимым.

Недостаточно обоснована и частичная замена в реконструированном тексте неполногласных форм, читающихся в Екатерининской копии и первом издании 1800 г., полногласными. С.Л. Николаев полагает: «Чрезмерное употребление неполногласных форм в литературном произведении, сочиненном на восточнославянском диалекте, представляется странным» [28, с. 38]. Однако утверждение, что СПИ было написано на «восточнославянском диалекте», а не на гибридном церковнославянском, неоспорно. С.Л. Николаев считает возможным сохранить неполногласные формы лишь в тех случаях, когда они вступают в фонетическую игру с близко расположенными словами. Это решение, существенно влияющее на реконструкции метрики памятника (полногласные формы больше неполногласных на один слог), не лишено субъективизма. Автор книги и сам признает, что его реконструкция в отдельных местах гипотетична [28, с. 68].

Самое любопытное и вместе с тем самое уязвимое в книге С.Л. Николаева — это характеристика метрики памятника. В отличие от

А.Ю. Чернова, считающего авторский стих СПИ тоническим, а цитируемые песни Бояна — силлабическими, С.Л. Николаев утверждает, что стих произведения — неравносложный силлабо-тонический: «Метр отдельных строк может быть двусложным (и соответствовать хорею или ямбу) или трехсложным (и соответствовать дактилю, амфибрахию или анапесту)» [28, с. 67], при этом «[к]оличество слогов в строках “Слова” не регламентировано, поэтому между метрами неравносложной силлаботоники и “классическими” равносложными силлаботоническими метрами нет полной аналогии: в стихотворной системе “Слова” не задан выбор определенного количества стоп в формальных ямбе, хорее, дактиле и т. д.» [28, с. 67–68]. По мнению исследователя, в СПИ «представлено два размера — *двусложный* (состоящий из двусложных стоп) и *трехсложный* (состоящий из трехсложных стоп), сокращенно — *двусложник* и *трехсложник*» [28, с. 69]. Он утверждает: «Стихотворные строки с разными размерами иногда свободно чередуются, однако чаще значительные по объему фрагменты имеют единый размер — чаще двусложник, реже трехсложник» [28, с. 69]. Трактовка метрики СПИ как силлабо-тонической неоригинальна: такие мнения высказывались в XIX в., однако, в отличие от С.Л. Николаева, прежние приверженцы этой точки зрения пытались доказать, что древнерусская «песнь» написана одним размером (см. об этих попытках: [41, с. 67]).

С точки зрения стиховедческой нарисованная картина метрики СПИ выглядит очень странно. Во-первых, в силлабо-тонике нет таких метров, как двусложник и трехсложник, это научные абстракции, а метрами являются именно хорей, ямб и дактиль, амфибрахий, анапест: каждый из двусложников и трехсложников задает абсолютно непохожую ритмическую последовательность ударных и неударных слогов. Считать двусложник и трехсложник метрами — примерно то же самое, как утверждать, что у существительных в русском языке есть одно, общее склонение. Во-вторых, при неурегулированном, не подчиненном жесткому принципу чередовании строк с разными размерами никакое выделение хореев, ямбов, дактилей и т. д. не может образовывать метрическую систему: ведь интерпретация размера отдельно взятой строки зависит от ее контекста. Ограничусь одним примером. Строка из вступления к «Медному Всаднику» А.С. Пушкина «Адмиралтейская игла» с двумя фонологически обусловленными

ударениями вне контекста может быть трактована и как часть прозаического высказывания наподобие «Летними ночами Адмиралтейская игла светится в прозрачном воздухе», и как стих пеона четвертого: $\cup\cup\cup\cup\cup\cup$, и как четырехиктный ямб с двумя пиррихиями — на втором и третьем иктах: $\cup\cup\cup\cup\cup\cup$. У Пушкина это, естественно, строка четырехиктного ямба. Но она должна восприниматься так только потому, что вся поэма написана этим размером. Фактически строка того или иного метра существует, значима только как элемент системы.

Если бы в СПИ регулярно чередовались неравносложные строки или фрагменты-строфы, написанные разными размерами, это был бы пример вольного полиметрического стиха. Попытки охарактеризовать стих СПИ как полиметрический известны (см.: [17, с. 68–70; 12, с. 119]), но они игнорируют тот факт, что текст воспринимается как полиметрический, а не как метрически неупорядоченный только на фоне длительного бытования произведений, написанных «чистыми» ямбом, хореем, дактилем, амфибрахией и анапестом. Но такого фона ни в древнерусской книжности, ни, по существу, в фольклоре⁶ не было. К тому же полиметрия предполагает некоторую системность чередования строк или фрагментов разной метрической природы. Однако, поскольку в древнерусской «песни» никакого устойчивого признака чередования строк разного «метра» нет (даже если мы признаем правильной разбивку текста на стихи, предложенную С.Л. Николаевым), характеризовать ритмическую упорядоченность памятника как неравносложную силлабо-тонику абсолютно невозможно. Выявляемые автором книги метрические структуры не более чем чисто схоластическая игра ума, отвлеченные схемы, не соотносящиеся с реальным текстом.

Но этого мало. Создатель новейшей реконструкции СПИ более чем вольно определяет сам силлабо-тонический принцип в его тексте: «Слоги, предшествующие первому метрическому ударению в стихотворной строке, не учитываются, и поэтому метрические разновидности как двусложника (ямб, хорей), так и трехсложника (дактиль, амфибрахий, анапест) свободно варьируют между собою внутри фрагментов, состоящих из стиха одного размера. Строка завершается

⁶ О синлабо-тонических тенденциях в устной словесности см. ниже.

произвольным слогом двусложной или трехсложной стопы, в общем независимо от метра данной строки и метра соседних строк, хотя наблюдается тенденция к группировке строк с “мужскими” и “женскими” окончаниями в двусложнике, “дактилическими” и “усеченными” окончаниями в трехсложнике. Стихотворные строки с разными размерами иногда свободно чередуются, однако чаще значительные по объему фрагменты имеют единый размер — чаще двусложник, реже трехсложник» [28, с. 69]. Возникает вопрос: «не учитываются» кем? Автором или исследователем? Между тем в силлабо-тонике особенно важны именно начало строки до первого ударения и окончание строки: «переменная анакруста» приводит к смене размера, как, например, это происходит в лермонтовской «Русалке», где благодаря этому создается чередование строк анапеста и амфибрахия; «игра произвольных анакрус» у Ф.И. Тютчева может становиться даже композиционным приемом [9, с. 129–130]. Однако упорядоченность клаузул при этом сохраняется: в упомянутом М.Л. Гаспаровым тютчевском «Сне на море» окончания всех строк мужские.

Ясно, что при таком свободном чередовании, как в СПИ, строки разных «метров» не воспринимаются как ямбические, хореические, дактилические и т. д., но либо как элементы прозаического текста, либо — при определенных условиях — действительно как некие, условно говоря, двусложники и трехсложники. Но в таком случае это уже тоника (тактовик, дольник или чистый акцентный стих — сейчас неважно), и применение к этому тексту таких терминов, как ямб, хорей и пр., по существу, ничего не значит. Или это не стих, а проза.

Тем более значима в силлабо-тонике клаузула — обязательная сильная позиция в стихе, отмечающая его окончание. На конце строки в «правильной» силлабо-тонике возможны как наращения, так и усечения слога в сравнении с метрической схемой, но они регулярны. Клаузула одного типа при отсутствии рифмы является, в сущности, единственным маркером, сигналом конца строки. Ее неурегулированность при отсутствии иных знаков окончания стиха превращают разбивку текста на строки в простые догадки и субъективные мнения и свидетельствует в пользу того, что СПИ — текст не-стихотворный.

Описанные С.Л. Николаевым строки никакого отношения к силлабо-тонике, естественно, не имеют. При этом при определении силлабо-тонических метров «Слова» С.Л. Николаев находит в «песни»

спондеи и пропуски как метрически безударных (т. е., по сути, долъниковые, а не силлабо-тонические стихи), так и метрически ударных слогов (последнее вообще невозможно в «настоящей» силлабо-тонике). Так, выделяемая С.Л. Николаевым строка «печáль жирнá «вѡ»тѣче сѣ»редѣ́ земли | рѹсѣ́скимъ» описывается как ямбическая с помощью схемы $\cup\cup\cup\cup\cup\cup\cup(\cup)\cup\cup$ [28, с. 71]. Подгонка осуществляется, во-первых, посредством эмендации — вставки взятого в угловые скобки слога -вѡ- с проясненным редуцированным ъ, во-вторых, посредством внесения в схему опущенного неударного се-, также помещенного в угловые скобки. Но и после таких процедур стих не выглядит ямбическим, так как у него пропущен необходимый для ямба слог (в схеме С.Л. Николаева эта метрическая позиция обозначена символом неударной стопы в обычных скобках). Необычна гипердактилическая клаузула — очень редкий случай для подлинного метрического стиха, скорее экспериментальный, как, например, у В.Я. Брюсова. При этом стих оказывается будто бы восьмииктным ямбом длиной в 17 слогов, что, как давно установлено в стиховедении, абсолютно невозможно: строка такой длины воспринимается не как единое целое, а как два стиха. Необъяснима цезура после слова *земли*. Скорее, пауза должна отделять предикативный комплекс *печáль жирнá «вѡ»тѣче* от *сѣ»редѣ́ земли | рѹсѣ́скимъ*, но в таком случае псевдоямбическая структура реконструируемой якобы стихотворной строки разрушится, и она превратится в две синтагмы, напоминающие два чисто тонических акцентных стиха: первый трехиктный, второй тоже трехиктный или двухиктный (если не считать сильным ударение на предлоге *сѣ»редѣ́*).

Обосновывая тезис, что в СПИ реализуются принципы неравносложной силлабо-тоники, С.Л. Николаев ссылается на существование силлабо-тонических тенденций в скандинавской скальдической поэзии, которая будто бы могла повлиять на древнерусский памятник, и в русском народном стихе, приводя в качестве обоснования наблюдения М.Л. Гаспарова и Дж. Бейли. Однако силлабо-тонические тенденции в раннесредневековом скандинавском стихотворстве никак не доказывают использования силлабо-тонической метрики в СПИ, как и, строго говоря, аналогичные тенденции в русских фольклорных песнях. К тому же русский фольклор известен в записях значительно более поздних, чем вероятное время создания СПИ. А позиция из-

вестных стиховедов в трактовке С.Л. Николаева искажена: они вовсе не считают, что народной поэзии свойственна силлабо-тоническая система стихосложения с полным набором метров. М.Л. Гаспаров отмечал, что строки, звучащие как чистый хорей, характерны только для такого фольклорного жанра, как причитания (см.: [8, с. 21]). «Пятистопный хорей с дактилическим окончанием — исходная форма русского былинного стиха», однако «эта форма стиха неустойчива» [7, с. 60]. М.Л. Гаспаров не случайно оговаривает, что, например, былинный стих иногда «звучит четырехстопным хореем», «звучит анапестом», «звучит дольником» и т. п., употребляет термины «хорей», «ямб», «анапест» по отношению к народному стиху в кавычках, пишет об «упрощенном, хореизированном» былинном стихе, хотя речь идет формально о «чистом» хорее — один из видов [7, с. 61, 62, 67, 80]. Названия силлабо-тонических метров без оговорок или кавычек он использует только условно — в статистических таблицах. Дж. Бейли, доказывая существование в народной эпической поэзии хореического метра, считает силлабо-тонику лишь одним из двух метрических принципов — наряду с акцентным стихом (см.: [4, с. 228–232, 444–386]).

СПИ — произведение в своей основе повествовательное, и потому из жанров фольклора его, естественно, сопоставляли прежде всего с былинной. А русский эпический (былинный) стих в целом является тоническим (см.: [8, с. 22]), причем с регулярной «дактилической» клаузулой⁷, редко встречающейся в реконструируемом С.Л. Николаевым тексте СПИ. При этом отдельные строки в фольклорном эпическом стихе могут «звучать», как выразился М.Л. Гаспаров, то силлабо-тоническими размерами, то дольником, то тактовиком [8, с. 23]. Но именно «звучать»: они никак не относятся к силлабо-тонике в собствен-

⁷ Стоит в этой связи вспомнить, что именно господство дактилических окончаний «строк» пытался найти А.И. Никифоров, считавший СПИ «былинной» XII в. [26, с. 214–250], а Л.И. Тимофеев в своей произвольной реконструкции метрики «песни» с помощью перестановок слов навязал ему именно такую клаузулу (см.: [36, с. 88–104]). При этом число дактилических окончаний в памятнике относительно невелико; например, по В.И. Стеллецкому [34, с. 35], их примерно 200 на 503 строки. При иной разбивке на строки и другой расстановке ударений и предположении о произнесении части или даже всех редуцированных на конце строк соотношение может измениться, но не разительно.

ном смысле, поскольку этот принцип стихосложения в фольклоре отсутствовал как система. Былинный стих, с которым обычно сближают (в том числе и С.Л. Николаев) гипотетическую метрику СПИ, не является (несмотря на отдельные случаи последовательного использования пяти- или шестииктного хорей) или спорадические появления других квазиметров, силлабо-тоническим: в нем реализованы принципы тактовика — «тонического стиха с междуктовыми интервалами, колеблющимися в диапазоне 1–2–3 слога» [7, с. 130]. При этом «[н]аиболее употребительным в народной поэзии является трехиктный стих с двухсложной (по большей части) анакрусой и двухсложным (по большей части) окончанием — былинный стих; менее употребительны двухиктный стих и четырехиктный стих (делимый цезурой на два двухиктных полустихия)» [7, с. 130]. В тактовике можно обнаружить сходство отдельных строк с силлабо-тоническими, но оно вовсе не системно: «Ритмические вариации тактовика могут совпадать по звучанию с хореем (и ямбом), с анапестом (и другими трехсложными размерами), с дольникком или быть специфичными для тактовика. В трехиктном (былинном) стихе обычно самыми частыми являются вариации хореические, затем чисто-тактовиковые, затем анапестические, затем дольниковые. Кроме того, обычно наличествует примесь стихов аномальных, не укладывающихся в тактовиковую схему (в большинстве случаев не свыше 15–20%)» [7, с. 130]. Хореическая тенденция еще не делает былинный стих, довольно разнообразный, силлабо-тоническим: «В былинном тактовике можно различить три типа: нормальный, упрощенный и расшатанный. В упрощенном стихе повышен процент хореических вариаций, в расшатанном стихе — процент внесхемных вариаций. Упрощенный стих имели в виду сторонники “стопной” концепции народного стиха, расшатанный стих — сторонники “чисто-тонической” концепции» [7, с. 130].

Предложенная С.Л. Николаевым реконструкция стиха двух былин из сборника Кириши Данилова не убеждает, что они написаны неравносложным силлабо-тоническим дву- и трехсложным стихом, так как основывается на тех же точных положениях, что и реконструкция стиха СПИ [28, с. 93–96]. Из метрических схем С.Л. Николаева следует, что основой в обеих былинах является четырехиктный тонический стих (тактовик), а не силлабо-тонические размеры. И это понятно: ведь на-

родный стих определяется прежде всего числом ударных слогов, но не их распределением, не числом неударных слогов между ними.

Излагая смелую гипотезу о написании СПИ неравносложным силлабо-тоническим стихом, С.Л. Николаев никак не соотносит его с поэтикой древнерусской словесности, в которой использовались молитвословный стих и тактовик, но нет примеров силлабо-тонических текстов. Статус древнерусской «песни» вообще остается неясным. С одной стороны, ученый принимает гипотезу А.Ю. Чернова, что автор произведения назвал в тексте свое имя — Ходына (см.: [39, с. 288–289]), и это предположение выводит СПИ за рамки фольклора, хотя и допускает его создание на скрещении устной и письменной словесности. С другой стороны, параллели с фольклорным стихом и предположение об использовании автором древнерусской «повести» черниговского (или чернигово-киевского) песенного репертуара скорее свидетельствуют об укорененности этого произведения именно в устной традиции. При этом реконструкция С.Л. Николаева предполагает весьма точную запись СПИ либо автором, либо каким-то писцом. Однако случаи воспроизведения древнерусскими книжниками элементов песенного фольклора, как об этом свидетельствуют, например, списки «Задонщины»⁸, показывают, что при такой фиксации песенная метрика частично разрушалась. С.Л. Николаев пытается выявить обломки силлабо-тонических стихов в «Повести временных лет» и в «Поучении» Владимира Мономаха, однако результаты таких усилий далеко не бесспорны. Так, в Мономаховом сочинении он находит метрически упорядоченный фрагмент об охотничьих подвигах киевского князя, который прямо называет древнерусскими стихами, как и ряд летописных фрагментов [28, с. 75–92]. Например, это строки: «Вѣпрѣ ми на бѣдрѣ / мѣчѣ ѳтялѣ. / Медвѣ́дь ми у колѣ́на / подѣ́клада укуси́лѣ», в которых якобы сменяют друг друга дактиль, хорей и ямб

⁸ С.Н. Азбелев относит СПИ и «Задонщину» к особому (отличному от былин) жанру «героических сказаний», бытовавших в устной форме [2, с. 115–122; 3, с. 133–173]. Если в отношении «Задонщины» такое предположение представляется допустимым, то СПИ, отличающееся несоизмеримо большей сложностью художественной структуры, едва ли могло передаваться из уст в уста. Впрочем, судя по тому, что в тексте «Задонщины», каким он известен по разным спискам, метрика прослеживается спорадически, это произведение все-таки подверглось переработке при записи.

и опять хорей. Однако статус этого условно вычленяемого «стихотворного» фрагмента неясен, непонятна интенция князя-книжника, почему-то вдруг переходящего от прозы к «стиху». Видимо, перед нами просто использование ритмизации как средства выразительности, отнюдь не делающее процитированные строки стихами, тем более силлабо-тоническими. (В противном случае мы должны предположить, что Мономах намеренно смешивал разные принципы и жанры, как это делалось в античной менипповой сатуре, где соединение прозы и стихов было значимым нарушением правил, установленных культурной традицией и описанных в поэтиках и риториках, — на Руси же таких правил и трактатов не было.)

Поиск «стихотворных» фрагментов, якобы сохранивших древнюю метрику, стал увлечением многих исследователей весьма давно. Еще в начале прошлого века ему дал убийственную оценку Н.К. Гудзий, заметивший по поводу разбивки СПИ на стихи Вл. Бирчаком: «...при сравнительной простоте древнерусского синтаксиса, на стихи можно разложить при желании чуть ли не всю летопись и даже многие проповеди» [10, с. 380]. Тем не менее такие изыскания продолжились. Фольклорист А.И. Никифоров утверждал: «Для суждения о поэтической и ритмической форме древних русских былин мы имеем хотя и небольшой, но интересный материал в летописи и в Слове о полку Игореве. Здесь содержатся фрагменты героической поэзии Киевского периода, ритм которых приближается к тому, который сохранился в былинах, причитаниях и заговорах» [27, с. 244]. Опасения Н.К. Гудзия сбылись: стараниями А.И. Никифорова «стихотворные» фрагменты были найдены даже в договоре руси с греками 944 г., включенном в «Повесть временных лет», а Н.В. Водовозов задолго до С.Л. Николаева «обнаружил» такие отрывки в «Поучении» Мономаха. А.М. Панченко, отметивший произвольность расстановки ударений в «Повести временных лет» А.И. Никифоровым, по поводу этих изысканий выразился так: «Общим в этих рассуждениях, принадлежащих отдельным авторам, является то, что ни в одном случае нельзя сказать достоверно, стих это или проза, случайно или не случайно возникает ритмический рисунок или рифма» [29, с. 257–258]. Но эти оправданные скептические предостережения не остановили исследователей: недавно украинский ученый Н. Назаров, развивая наблюдения И.Я. Франко, выделил «стихотворные» вкрапления и в таком лето-

писном сказании явно книжного, искусственного происхождения (см. об этом: [24, с. 183–201; 30, с. 36–39]), как легенда о посещении Руси апостолом Андреем, и в юридическом документе — договоре Святослава с греками 971 г., заметив по поводу этих и ряда других фрагментов «Повести временных лет», что их «разносложной длиной строки напоминают думы, а по типу клаузул полностью соответствующим былинам <...>. Видимо, подобные фрагменты — это одно из тех промежуточных звеньев между былинами и думами, осколком которого Никифоров и считал *Слово о полку Игореве*» [25, с. 253]. Как сочиненная летописцем легенда и тем более юридический документ могут хранить следы древнего эпоса — бог весть; что же касается дактилических клаузул — при предложенной Н. Назаровым расстановке ударений, которая, кстати, местами неверна⁹, клаузула варьируется от гипердактилической до мужской.

С.Л. Николаеву не удалось, как мне представляется, не только доказать использование в СПИ принципа неравносложной силлабо-тоники, но и вообще стихотворную природу этого текста. Текст СПИ, несомненно, ритмически организован, однако в нем, как подчеркнул М.Л. Гаспаров, нет единого принципа ритмической организации (как и нескольких последовательно сменяющих друг друга или чередующихся)¹⁰. А потому, если использовать оппозицию стих – проза, нужно признать СПИ памятником прозаическим¹¹. Отдельные даже «правильные» силлабо-тонические стихи ни о чем не говорят: это так называемые случайные метры, постоянно встречающиеся не только в художественной прозе (ср. примеры: [16, с. 12–13]), но и в инструкциях, надписях и т. д. (Хрестоматийный пример: надпись «Изотермический вагон для скоропортящихся грузов» может быть интерпретирована как два стиха четырехиктного ямба с пиррихиями.) Стиховед М.П. Штокмар по этому поводу давно заметил: «Мы знаем, что, применяя различные стопы, можно добиться аналогичных результатов и от прозы; поэтому такого рода опыты едва ли многих способны

⁹ Ср. замечание С.Л. Николаева: [28, с. 76, примеч. 1 со с. 75].

¹⁰ См.: [9, с. 21]. С.Л. Николаев об этом невыгодном для его концепции факте не упоминает.

¹¹ Как отметил М.Л. Гаспаров, в Древней Руси до XVII в. вместо оппозиции стих – проза существовала оппозиция текст, предназначенный для пения, – текст, предназначенный для произнесения (см.: [6, с. 265]).

ввести в заблуждение. Но красноречивы и сами результаты подобных экспериментов» [41, с. 67].

Против стихотворной природы памятника свидетельствует отсутствие регулярно повторяющихся словесных формул в одних и тех же метрических позициях — это, как показали А. Лорд и М. Перри, признак фольклорного и раннелитературного эпического стиха в самых разных традициях (например, в сербских юнацких песнях и в поэмах Гомера) (см., например: [20; 44; 45]). Формульность в СПИ есть¹², но она спорадическая, и ее приуроченность к определенным метрическим позициям не выявлена. Соединение в СПИ фольклорно-мифологических элементов и мотивов из Священного Писания, прекрасно показанное Б.М. Гаспаровым (см.: [5]), как и сочетание героико-эпического и сказочного кодов (см. об этом: [32]), тоже говорит против концепции С.Л. Николаева: памятник с такой структурой, вбирающий признаки различных жанров, не мог быть ни фольклорной песней, ни феноменом гипотетической авторской дружинной поэзии: для этого он слишком сложен. А.А. Зализняк обратил внимание на то, что в «Слове» присутствуют как признаки оральности, сближающие язык памятника с языком новгородских берестяных грамот и реплик, зафиксированных летописцами (например, это действие закона Вакернагеля), так и признаки, свойственные книжным текстам (к примеру, отказ от повторяющихся предлогов в составе словосочетания и использование аориста и особенно имперфекта)¹³. Такие свойства СПИ как будто бы подтверждают, что это оригинальное произведение, родившееся в результате сложного взаимодействия разных типов словесности и поэтик, а не простая фиксация некоего сочинения песенного типа. Кроме того, если СПИ и могло быть создано как импровизация, то в таком случае оно должно было быть надиктовано автором и затем распространяться уже в виде письменного текста: отсутствие последовательной метрической организации и столь же последовательного использования словесных формул исключает возможность бытования произведения в устной форме.

¹² См. в этой связи прежде всего работы Р. Манна, считающего СПИ записью устного произведения [21; 22; 23; 42; 43].

¹³ См.: [14, с. 120 и др.]. Об аористе и имперфекте как о книжных формах, первая из которых вероятно, а вторая несомненно отсутствовали в живом древнерусском языке XII в., см.: [13, с. 173–174; 37, с. 215; 11, с. 604–657].

Еще примерно в середине прошлого века М.П. Штокмар, напоминая, что «организация речи по единой системе того или иного типа — отличительная особенность стиха», так оценил попытки найти в СПИ метрическую организацию: «В “Слове о полку Игореве” в том виде, как мы его знаем, невозможно проследить единую систему звуковой организации какого бы то ни было типа. <...> Исследователи, правильно аргументирующие звуковую организацию “Слова” от *различных систем*, от *многосистемности*, тем самым, вопреки предвзятому заданию доказать стихотворную основу “Слова”, подтверждают прозаическую природу его звуковой организации» [41, с. 82]. А.И. Пильщиков и М.В. Трунин, признав это заключение «на первый взгляд теоретически безупречным», отметили, однако, что «утверждение Штокмара верно, только если принять его имплицитную гипотезу о гомогенности текста “Слова”. В противном случае полисистемность вполне возможна (ср., например, прозаический текст со стихотворными вставками — жанр, ненадолго распространившийся в русской литературе “золотого века” под воздействием французской литературы XVIII столетия)» [31, с. 36]. В чисто теоретическом плане такое предположение вполне допустимо, однако в историко-литературном отношении едва ли приемлемо: упомянутые И.А. Пильщиковым и М.В. Труниным сочинения русской литературы относятся к Новому времени, они были результатом длительной литературной эволюции, сформировавшей устойчивое разграничение стиха и прозы. В древнерусской словесности XII в. такое разграничение еще не было актуальным. Показательны два структурно изолированных фрагмента СПИ, словно представляющих своего рода «тексты в тексте»: плач-причитание русских жен и плач Ярославны, содержащий черты причети (в том числе «плача-моления») ¹⁴. Во втором из них метрика, отличительная для народных плачей, не сохранена, что не случайно. В случае с плачем русских жен автор СПИ просто воспроизводит если не само реальное голошение, то его метрическую схему, а «плач-моление» горюющей княгини представляет собой творение книжника, который «использует мотивы разных жан-

¹⁴ Л.В. Соколова убедительно показала, что обращение Ярославны к стихиям является по своим структуре и семантике не закливанием и не заговором (исследовательница различает эти жанры), а именно «плачем-молением» [33, с. 7–32]; автор этих строк прежде некритически следовал широко распространенному утверждению о существенном сходстве плача Игоревой супруги с заговором.

ров устного народного творчества, трансформируя их при этом», «используя фольклорные образы, символы и мотивы в Плаче Ярославны, переиначивает их, придает им яркую индивидуальность», беря в качестве образцов «*“женские плачи в разлуке”*», причем как фольклорные, так и литературные» [33, с. 16, 32]¹⁵. Сохранение народного стиха в плаче русских жен объясняется, очевидно, не сознанием эстетической ценности фольклорной метрики самой по себе, но установкой на воспроизведение реального плача как факта быта: этот плач автором СПИ не создается, а словно цитируется. Считать, что создатель «песни» об Игоровом походе здесь переходил от прозы к «стихам» — примерно то же самое, что считать, будто Н.В. Гоголь, приводящий в «Мертвых душах» письмо некоей дамы Чичикову «Две горлицы покажут / Тебе мой хладный прах, / Воркуя, томно скажут, / Что она умерла во слезах», выступает как поэт или что в такой же роли действует Ф.М. Достоевский, знакомя читателей романа «Бесы» с виршеплетством капитана Лебядкина¹⁶. Или же, если предположить, что создатель СПИ воспроизвел реальный народный плач, то его можно сравнить с А.С. Пушкиным — автором «Капитанской дочки», вкладывающим в уста пирующих пугачевцев подлинную народную песню «Не шуми, мати зеленая дубровушка»: ее присутствие несколько не свидетельствует о том, что роман частично написан стихами.

Правда, в рассмотренных работах А.Ю. Чернова и С.Л. Николаева в качестве признака стихотворной природы СПИ (у А.Ю. Чернова фактически в его концепции доминантного, если не единственного) названа и звукопись различного рода (С.Л. Николаев именует звуковые повторы в произведении хендингами — термином, заимствованным из скальдической поэзии [28, с. 103]). Однако эти рифмоиды вовсе не являются сами по себе доказательством стихотворной организации текста — ни в скальдической поэзии (где они сочетаются с метрическим принципом, который и делает сочинения скальдов стихами), ни в СПИ. Таковыми они стали бы лишь в одном случае: если

¹⁵ Поэтому неточным представляется утверждение Д.С. Лихачева: «В “Слово о полку Игоре” вставлено (инкрустировано) другое произведение — “Плач Ярославны”» [19, с. 17].

¹⁶ В рамках иной литературной системы (например, у обэриутов), лебядкинские описи, как неоднократно отмечалось, могут стать именно стихами. Но к их функции в романе «Бесы» сие обстоятельство не имеет никакого отношения.

бы регулярно маркировали окончания строк, т. е. если бы были рифмами в самом непосредственном смысле слова. Но такой функции они не выполняют. Хендинги не более чем сопутствующий признак стиха — не необходимый и не достаточный. Аналогичные созвучия-рифмоиды хорошо известны в древнегреческой прозе; например, это созвучия, которые в античной риторике именовались гомеотелевтами — «соединением равночленных предложений», оформленными рифмоидом, «изоколонами с рифмой, замыкающими колон» [18, с. 163]. Гомеотелевты в изобилии имеются в древнерусской прозе, особенно в так называемом стиле «плетения словес». В отличие от рифмы они, хотя и используются в ритмизованных произведениях или их фрагментах, нерегулярны и не превращают текст в стихотворный (см. о них: [1, с. 226–241]).

Если характеризовать СПИ посредством оппозиции стих – проза, то древнерусскую «повесть» следует отнести к произведениям прозаическим, хотя, возможно, и выросшим из некоего поэтического (песенного) ядра. Это ритмизованная проза. Как писал о ней стиховед В.Е. Холшевников: «Как бы посередине между обычной прозой и стихом стоит так называемая *ритмическая проза*, появляющаяся обычно в наиболее эмоциональных частях текста: поэтических описаниях природы, лирических отступлениях и т. п. Значительно реже ритмической прозой пишутся целые произведения. Ритмическая проза еще недостаточно исследована. Ее ритмичность создается обычно, как показал В.М. Жирмунский, упорядоченностью синтаксического строя, а не расположением ударений <...>. Но даже в тех исключительно редких случаях, когда в прозе упорядочено чередование ударных и безударных слогов (например, в романе А. Белого “Петербург”), она остается все же прозой (хоть и необычной), потому что не делится на ясно отграниченные стихи: длина интонационно-ритмических отрезков в ней неопределенна, как и в обыкновенной прозе. И это объясняется прозаическим синтаксическим строем, а не графическим изображением: “Песнь о Соколе” и “Песнь о Буревестнике” тоже напечатаны без разбивки на стихи, но мы сразу узнаем в них стихотворную речь и могли бы безошибочно разбить их текст на стихотворные строки» [38, с. 5].

Природа ритмизации в древнерусской прозе исследована совершенно недостаточно и заслуживает дальнейшего внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
- 2 Азбелев С.Н. Древнерусские героические сказания в международном контексте // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 3. С. 115–122.
- 3 Азбелев С.Н. Редкая разновидность русских источников // *Rossica Antiqua*. 2013. № 1. С. 133–173.
- 4 Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху / пер. с англ. под общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Языки русской культуры; CEU, 2001. 416 с.
- 5 Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игоре»». [2-е изд.]. М.: Аграф, 2000. 605 с.
- 6 Гаспаров М.Л. Опозиция «стих – проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение: традиции и проблемы развития / отв. ред. Л.И. Тимофеев. М.: Наука, 1985. С. 264–276.
- 7 Гаспаров М.Л. Русский народный стих и его литературные имитации // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. III: О стихе. С. 54–131.
- 8 Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.
- 9 Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Строфика. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
- 10 Гудзий Н.К. Литература «Слова о полку Игоре» за последнее двадцатилетие (1894–1914 г.) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1914. Т. XLIX. Февраль. Отдел наук. С. 353–386.
- 11 Живов В.М. История языка русской письменности. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 1. 816 с.
- 12 Жовтис А. Границы свободного стиха // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 105–123.
- 13 Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М.: Языки русской культуры, 2004. 872 с.
- 14 Зализняк А.А. «Слово о полку Игоре»: Взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 481 с.
- 15 Зализняк А.А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки русской культуры, 2014. 728 с.
- 16 Казарцев Е.В. Сравнительное стиховедение: Метрика и ритмика. СПб.: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2017. 160 с.
- 17 Квятковский А. Русский свободный стих // Вопросы литературы. 1963. № 12. С. 60–77.
- 18 Куриус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье / пер. с нем., коммент Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. 2-е изд. М.: Издат. дом ЯСК, 2021. Т. 1. 560 с.
- 19 Лихачев Д.С. «Слово о полку Игоре» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1985. 352 с.

- 20 Лорд А.Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона; послесл. Б.Н. Путилова; статьи А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера. М.: Наука, 1994. 368 с.
- 21 Манн Р. Свадебные мотивы в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. С. 514–519.
- 22 Манн Р. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 129–137.
- 23 Манн Р. «Песнь о полку Игореве». Новые открытия. М.: Языки славянской культуры, 2009. 98 с.
- 24 Мюллер Л. Древнерусская легенда о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования / пер с нем.; сост. Л.И. Сазонова; под общ. ред. А.Б. Григорьева и Л.И. Сазоновой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 183–201.
- 25 Назаров Н. Незамеченная эпика: метрическая (пере)оценка *Повести временных лет* и *Слова о полку Игореве* // *Slavia Orientalis*. 2019. Т. LXVIII. No 2. P. 241–260. DOI: 10.24425/slo2019.128470
- 26 Никифоров А.И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. М.Н. Покровского. 1940. Т. IV: Факультет языка и литературы. Вып. 2. С. 214–250.
- 27 Никифоров А.И. Фольклор Киевского периода // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. I: Литература XI — начала XIII века. С. 216–256.
- 28 Николаев С.Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 640 с.
- 29 Панченко А.М. Перспективы исследования древнерусского стихотворства // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. [Т.] XX: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. С. 256–273.
- 30 Петрухин В.Я. «Русь и вси языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. 384 с.
- 31 Пильщиков И.А., Трунин М.В. К спорам о ритмической природе «Слова о полку Игореве» (неопубликованный отзыв Ю.М. Лотмана на статью Л.И. Тимофеева и его место в научном контексте 1960–1970-х годов) // Русская литература. 2015. № 1. С. 30–52.
- 32 Ранчин А.М. «Слово о полку Игореве»: Путеводитель. М.: Нестор-История, 2019. 272 с.
- 33 Соколова Л. Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны // Текст и традиция: альманах. СПб.: Росток, 2020. Вып. 8. С. 7–34.
- 34 Стеллецкий В. К вопросу о ритмическом строе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1964. № 4. С. 27–40.

- 35 Тарановский К. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII вв. // *Тарановский К. О поэтах и поэзии.* М.: Языки русской культуры, 2000. С. 257–273.
- 36 Тимофеев Л. Ритмика «Слова о полку Игоре» // *Русская литература.* 1963. № 1. С. 88–104.
- 37 Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- 38 Холишевников В.Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов. 5-е изд. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; Издат. центр «Академия», 2004. 208 с.
- 39 Чернов А. Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игоре» // *Исследования «Слова о полку Игоре»* / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 270–293.
- 40 Чернов А. Хроники изначного времени: «Слово о полку Игоре»: Текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006. 480 с.
- 41 Штокмар М.П. Ритмика «Слова о полку Игоре» в свете исследований XIX–XX вв. // *Старинная русская повесть: Статьи и исследования* / под ред. Н.К. Гудзия М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 66–82.
- 42 Mann R. Lances Sing. A Study of the Igor Tale. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1990. 231 p.
- 43 Mann R. The Silent Debate Over the Igor Tale // *Oral Tradition.* 2016. Vol. 30/1. P. 53–94.
- 44 Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making, I: Homer and the Homeric Style // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1930. Vol. 41. P. 73–148.
- 45 Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making, II: the Homeric Language as Language of Oral Poetry // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1932. Vol. 43. P. 1–50.

Источники

- 46 Добрыня Никитич и Алеся Попович / изд. подгот. Ю.И. Смирнов, В.Г. Смоленский; отв. ред. Э.В. Померанцева. М.: Наука, 1974. 448 с.
- 47 Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: В Сенатской тип., 1800. 46+8 с.
- 48 Слово о полку Игоре / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 484 с.
- 49 Слово о полку Игоре / предисл. Д.С. Лихачева; стихотв. пер., коммент. прозаич. пер. и послесл. А.Ю. Чернова; реконструкция древнерус. текста и примеч. А.В. Дыбо. СПб.: Вита Нова, 2006. 360 с.

REFERENCES

- 1 Averintsev, S.S. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 480 p. (In Russian)
- 2 Azbelev, S.N. "Drevnerusskie geroicheskie skazaniia v mezhdunarodnom kontekste" ["Old Russian Heroic Legends in an International Context"]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, no. 3, 2007, pp. 115–122. (In Russian)
- 3 Azbelev, S.N. "Redkaia raznovidnost' russkikh istochnikov" ["A Rare Variety of Russian Sources"]. *Rossica Antiqua*, no. 1, 2013, pp. 133–173. (In Russian)
- 4 Beili, Dzh. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu* [Selected Articles on Russian Folk Poetry], trans. from English under total ed. by M.L. Gasparov. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ.; CEU Publ., 2001. 416 p. (In Russian)
- 5 Gasparov, B.M. *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of 'The Tale of Igor's Campaign']. 2nd ed. Moscow, Agraf Publ., 2000. 605 p. (In Russian)
- 6 Gasparov, M.L. "Oppozitsiia 'stikh — proza' i stanovlenie russkogo literaturnogo stikha" ["Opposition 'Verse — Prose' and the Formation of Russian Literary Verse"]. Timofeev, L.I., editor. *Russkoe stikhoslozhenie: traditsii i problemy razvitiia* [Russian Versification: Traditions and Problems of Development]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 264–276. (In Russian)
- 7 Gasparov, M.L. "Russkii narodnyi stikh i ego literaturnye imitatsii" ["Russian Folk Verse and Its Literary Imitations"]. Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. III: On verse. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 54–131. (In Russian)
- 8 Gasparov, M.L. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [Essay on the History of European Verse]. 2nd ed., suppl. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2003. 272 p. (In Russian)
- 9 Gasparov, M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Strofika* [Essay on the History of European Verse: Metrics. Rhythmics. Stanzaics]. 2nd ed., suppl. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2000. 352 p. (In Russian)
- 10 Gudziĭ, N.K. "Literatura Slova o polku Igoreve za poslednee dvadtsatiletie (1894–1914 g.)" ["Literature about 'The Tale of Igor's Campaign' for the Last Twenty Years (1894–1914)"]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia seriia*, vol. XLIX, February, 1914, pp. 353–386. (In Russian)
- 11 Zhivov, V.M. *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* [History of the Language of Russian Writing], vol. 1. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2017. 816 p. (In Russian)
- 12 Zhovtis, A. "Granitsy svobodnogo stikha" ["Boundaries of Free Verse"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1966, pp. 105–123. (In Russian)
- 13 Zalizniak, A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed., revised. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004. 872 p. (In Russian)
- 14 Zalizniak, A.A. *'Slovo o polku Igoreve': Vzgliaĭ lingvista* ['The Tale of Word about Igor's Campaign': The View of a Linguist]. 3rd ed., suppl. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 481 p. (In Russian)
- 15 Zalizniak, A.A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'* [Old Russian Stress: General Information and Dictionary]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2014. 728 p. (In Russian)

- 16 Kazartsev, E.V. *Sravnitel'noe stikhovedenie: Metrika i ritmika* [*Comparative Study of Versification: Metrics and Rhythmics*]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical Institute named after A.I. Herzen Publ., 2017. 160 p. (In Russian)
- 17 Kviatkovskii, A. "Russkii svobodnyi stikh" ["Russian Free Verse"]. *Voprosy literatury*, no. 12, 1963, pp. 60–77. (In Russian)
- 18 Curtius, E.R. *Evropeiskaia literatura i latinskoe Srednevekov'e* [*European Literature and the Latin Middle Ages*], vol. 1, trans. and comm. D.S. Kolchigin, ed. F.B. Uspenskii. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii dom IaSK Publ., 2021, 560 p. (In Russian)
- 19 Likhachev, D.S. *'Slovo o polku Igoreve' i kul'tura ego vremeni* [*The Tale of Igor's Campaign' and the Culture of His Time*]. 2nd ed., suppl. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985. 352 p. (In Russian)
- 20 Lord, A.B. *Skazitel'* [*Storyteller*], trans. and comm. by Iu.A. Kleiner and G.A. Levinton, afterw. by B.N. Putilov, articles by A.I. Zaitsev, Iu.A. Kleiner. Moscow, Nauka Publ., 1994. 368 p. (In Russian)
- 21 Mann, R. "Svadebnye motivy v 'Slove o polku Igoreve'" ["Wedding Motives in 'The Tale of Igor's Campaign'"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences*], vol. XXXVIII: Interaction of Old Russian literature and Fine Arts. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 514–519. (In Russian)
- 22 Mann, R. "Zametki k tekstu 'Slova o polku Igoreve'" ["Notes to the Text of 'The Tale of Igor's Campaign'"]. Likhachev, D.S., editor. *Issledovaniia 'Slova o polku Igoreve'* [*Researches of the 'Tale of Igor's Campaign'*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 129–137. (In Russian)
- 23 Mann, R. *'Pesn' o polku Igoreve: Novye otkrytiia* [*The Tale of Igor's Campaign: New Discoveries*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009. 98 p. (In Russian)
- 24 Miuller, L. "Drevnerusskaia legenda o khozhdenii apostola Andreia v Kiev i Novgorod" ["Old Russian Legend about the Walk of the Apostle Andrew to Kiev and Novgorod"]. Miuller, L. *Poniat' Rossiiu: Istoriko-kul'turnye issledovaniia* [*Understand Russia: Historical and Cultural Studies*], trans. from German, comp. by L.I. Sazonova, eds. A.B. Grigor'ev and L.I. Sazonova. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000, pp. 183–201. (In Russian)
- 25 Nazarov, N. "Nezamechennaia epika: metricheskaia (pere)otsenka Povesti vremennykh let i Slova o polku Igoreve" ["Unnoticed Epics: Metric (Re) Assessment of the Primary Chronicle and of 'The Tale of the Igor's Campaign'"]. *Slavia Orientalis*, t. LXVIII, no. 2, 2019, pp. 241–260. DOI 10.24425/slo2019.128470. (In Russian)
- 26 Nikiforov, A.I. "Problema ritmiki 'Slova o polku Igoreve.'" [The Problem of the Rhythmics of 'The Tale of Igor's Campaign.']. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M.N. Pokrovskogo* [*Scholarly Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after M.N. Pokrovsky*], vol. IV. Faculty for Language and Literature, issue 2, 1940, pp. 214–250. (In Russian)

- 27 Nikiforov, A.I. "Fol'klor Kievskogo perioda" ["Folklore of the Kievan Period"]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: in 10 vols.], vol. 10. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941, pp. 216–256. (In Russian)
- 28 Nikolaev, S.L. 'Slovo o polku Igoreve': rekonstruktsiia stikhotvornogo teksta [*The Tale of Igor's Campaign: Reconstruction of Poetic Text*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2020. 640 p. (In Russian)
- 29 Panchenko, A.M. "Perspektivy issledovaniia drevnerusskogo stikhotvorstva" ["Prospects for the Study of Old Russian Poetry"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences], vol. XX: Actual Problems of Studying Russian Literature of the 11th–17th Centuries Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 256–273. (In Russian)
- 30 Petrukhin, V.Ia. 'Rus' i vsi iazytsy': Aspekty istoricheskikh vzaimosvyezai: Istoriko-arkheologicheskie ocherki ['Rus' i vsi iazytsy: Aspects of Historical Relationships: Historical and Archaeological Essays]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2011. 384 p. (In Russian)
- 31 Pil'shchikov, I.A., Trunin, M.V. "K sporam o ritmicheskoi prirode 'Slova o polku Igoreve' (neopublikovannyi otzyv Iu.M. Lotmana na stat'iu L.I. Timofeeva i ego mesto v nauchnom kontekste 1960–1970-kh godov)" ["To the Controversy about the Rhythmic Nature of 'The Tale of Igor's Campaign' (Unpublished Review by Yu.M. Lotman on the Article by L.I. Timofeev and his) Place in the Scientific Context of the 1960–1970s)]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2015, pp. 30–52. (In Russian)
- 32 Ranchin, A.M. 'Slovo o polku Igoreve': Putevoditel' [*The Tale of Igor's Campaign: A Guide*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 272 p. (In Russian)
- 33 Sokolova, L. "Fol'klornye traditsii i ikh interpretatsiia v Plache Iaroslavny" ["Folklore Traditions and Their Interpretation in Yaroslavna's Lament"]. *Tekst i traditsiia: al'manakh* [Text and Tradition: Almanac], issue 8. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, pp. 7–34. (In Russian)
- 34 Stellets'kii, V. "K voprosu o ritmicheskom stroe 'Slova o polku Igoreve.'" [On the Question of the Rhythmic Structure of 'The Tale of Igor's Campaign.']. *Russkaia literatura*, no. 4, 1964, pp. 27–40. (In Russian)
- 35 Taranovskii, K. "Formy obshcheslavianskogo i tserkovnoslavianskogo stikha v drevnerusskoi literature XI–XIII vv." ["Forms of Common Slavic and Church Slavonic Verse in Old Russian Literature of the 11th–13th Centuries"]. Taranovskii, K. *O poetakh i poezii* [On Poets and Poetry]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 257–273. (In Russian)
- 36 Timofeev, L. "Ritmika 'Slova o polku Igoreve'" ["Rhythm in 'The Tale of Igor's Campaign.']. *Russkaia literatura*, no. 1, 1963, pp. 88–104. (In Russian)
- 37 Uspenskii, B.A. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian Literary Language (11th–17th Centuries)]. 2nd ed., rev. and added. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p. (In Russian)

- 38 Kholshchevnikov, V.E. *Osnovy stikhovedeniia: Russkoe stikhoslozhenie. Uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov vuzov* [Basics of poetry: Russian Versification. Textbook for Students of Philological Faculties of Universities]. 5th ed. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Izdatel'skii tsentr "Akademiia" Publ., 2004. 208 p. (In Russian)
- 39 Chernov, A. "Poeticheskaia polisemiia i sfragida avtora v 'Slove o polku Igoreve'." ["Poetic Polysemy and Sphragida of the Author in 'The Tale of Igor's Campaign'"]. Likhachev, D.S., editor. *Issledovaniia 'Slova o polku Igoreve'* [Researches of 'The Tale of Igor's Campaign']. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 270–293. (In Russian)
- 40 Chernov, A. *Khroniki iznannochnogo vremeni: 'Slovo o polku Igoreve': Tekst i ego okrestnosti* [Chronicles of the Purl Time: 'The Tale about Igor's Campaign: Text and Its Surroundings]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2006. 480 p. (In Russian)
- 41 Shtokmar, M.P. "Ritmika 'Slova o polku Igoreve' v svete issledovaniia XIX–XX vv." ["Rhythm in 'The Tale of Igor's Campaign' in the Light of the Studies of the 19th–20th Centuries"]. Gudzii, N.K., editor. *Starinnaia russkaia povest': Stat'i i issledovaniia* [An Old Russian Story: Articles and Researches]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941, pp. 66–82. (In Russian)
- 42 Mann, Robert. *Lances Sing. A Study of the Igor Tale*. Columbus, Ohio, Slavica Publishers, 1990. 231 p. (In English)
- 43 Mann, Robert. "The Silent Debate Over the Igor Tale." *Oral Tradition*, vol. 30/1, 2016, pp. 53–94. (In English)
- 44 Parry, Milman. "Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making, I: Homer and the Homeric Style." *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 41, 1930, pp. 73–148. (In English)
- 45 Parry, Milman. "Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making, II: the Homeric Language as Language of Oral Poetry." *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 43, 1932, pp. 1–50. (In English)

Информация об авторе: Андрей Михайлович Ранчин — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Ленинские горы, ГСП-1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Information about the author: Andrey M. Ranchin, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, 1st housing, Leninskie gory, GSP-1. 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Для цитирования: Ранчин А.М. О проблемах стиховедческого изучения «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 461–492. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-461-492>

© 2022, А.М. Ранчин

For citation: Ranchin, A.M. “On the Problems of Studying Verse of ‘The Tale of Igor’s Campaign’.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 461–492. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-461-492>

© 2022, Andrey M. Ranchin